

18+

В ЗЕРКАЛЕ ЗАДНЕГО ВИДА

Хельга Санрэй

Хельга Санрэй

В зеркале заднего вида

«Издательские решения»

Санрэй Х.

В зеркале заднего вида / Х. Санрэй — «Издательские решения»,

Когда привычный мир рушится, жизнь предлагает руль такси и бесконечную дорогу. Рита принимает эти правила игры. В зеркале заднего вида мелькают лица сотен пассажиров, оставляя за собой калейдоскоп историй — от смешных до опасных. Случайные попутчики становятся героями ее будущей книги, а стихи, наспех набросанные на руле, превращаются в известный рок-хит. «В зеркале заднего вида» — захватывающий автобиографический роман Хельги Санрей, продолжение книги «Маршрут перестроен».

© Санрэй Х.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Счетчик включен	10
Два года назад	10
Глава 2. Прямо до рассвета	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

В зеркале заднего вида

Хельга Санрэй

Обложка ИИ Dall-E

Иллюстрации ИИ Dall-E

© Хельга Санрэй, 2026

ISBN 978-5-0070-1458-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Пронзительные, щемящие аккорды инструментальной версии «А жизнь театр» заполняли полумрак съемочного павильона. Никаких ударных, только рояль. В мягком свете софитов Денис Гуженко не просто пел — он проживал каждую ноту лицом и пластикой, выдавая на камеру такую глубокую, оголенную эмоцию, что вокруг стояла абсолютная тишина.

Лена, стоявшая плечом к плечу со мной, замороженно выдохнула и сделала маленький глоток из хрустального бокала.

— Знаешь, — прошептала она, не сводя глаз с площадки, — а ведь я до сих пор иногда жду, что сейчас зазвонит телефон, и диспетчер заорет: «Девочки, срочный заказ на окраину, клиент буйный!»

Я тихо рассмеялась, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. — А помнишь того пьяного мужика с ротвейлером, которого мы везли в Бирюлево в три часа ночи? И как мы потом отмывали салон?

— Господи, Рит, еще бы не помнить, — Лена покачала головой, и бриллиантовые пусеты в ее ушах поймали свет софитов. — Кто бы мог подумать, где мы окажемся. Смотрю на тебя — владелица агентства недвижимости «Желтый ангел», автор хита. А ведь я помню, как у нас заглох двигатель на МКАДе под проливным дождем.

— Да уж... — моя улыбка стала чуть более грустной, но искренней. — У нас тогда в бардачке валялась последняя сотенная купюра, а у меня на шее висел банковский кредит, на цифры которого я боялась смотреть в упор дольше трёх секунд. Помнишь эти звонки коллекторов в семь утра? Я тогда боялась лишний раз телефон в руки взять. Каждый рубль с этих ночных поездок уходил на погашение безумных процентов.

— Зато мы выжили, подруга. Вывезли. — Лена повернулась ко мне и легко чокнулась своим бокалом о мой. Раздался мелодичный звон. — За нас. И за твоего Режиссера, который теперь сдувает с тебя пылинки.

Я скользнула взглядом за спины операторов, безошибочно находя его в тени. Марк стоял, прислонившись плечом к стене, и, поймав мой взгляд, едва заметно кивнул. Моя защита. Моя стена.

Ответив ему теплой улыбкой, я отступила на шаг в полумрак и прислонилась бедром к холодному капоту винтажного «Мустанга», который пригнали для съемок.

Повернув голову, я посмотрела в хромированное боковое зеркало.

В его выпуклой поверхности отражались неоновые огни и танцующая массовка. Но стоило мне моргнуть, как картинка вдруг поплыла. Иллюзия богатства и безопасности дала трещину.

Вместо запаха дорогого парфюма и лака для волос я вдруг отчетливо почувствовала едкий запах дешевого растворимого кофе, мокрой шерсти и бензина. Идеальная тишина павильона сменилась монотонным, барабаниющим звуком ливня по металлической крыше.

В отражении зеркала неоновый свет превратился в размытые пятна уличных фонарей, скользящие по мокрому асфальту, а в ушах, перекрывая красивую мелодию скрипок, вдруг раздался сухой, механический женский голос:

«Маршрут перестроен»

Я закрыла глаза, и меня окончательно затянуло в ту ночь. Ночь, когда моя жизнь еще измерялась стоимостью посадки и счетчиком таксометра.

Глава 1. Счетчик включен

Два года назад

Дворники скрипели по лобовому стеклу с таким звуком, будто пытались процарапать борозды в моей нервной системе. Дождь лил стеной, превращая Москву в серое, неприветливое месиво.

Я сидела за рулем желтого «Лифана», припарковавшись у круглосуточного супермаркета где-то на окраине спального района. Двигатель тихо тархтел, чтобы работала печка, но по ногам все равно тянуло сырým сквозняком.

Экран телефона, закрепленного на панели, ярко светился в темноте салона. Но на нем был открыт не навигатор.

На экране висело пуш-уведомление от банка. Очередное напоминание о дате списания платежа по кредиту и красная, бьющая по глазам надпись: «Недостаточно средств. При просрочке дело будет передано в отдел взысканий».

Я невидящим взглядом смотрела на эти буквы, чувствуя, как к горлу подступает знакомый, липкий ком паники. На дебетовой карте оставались сушие копейки. Еще немного смятых купюр, которые мы с Леной наскребли за последние две смены, лежали в бардачке, но этого катастрофически не хватало.

— Если я завтра не внесу этот чертов платеж, — пробормотала я в пустоту салона, потирая замерзшие пальцы, — банк подаст в суд. Отличный план, Рита. Просто великолепный.

Пассажирская дверь резко распахнулась, впуская в машину порыв ледяного ветра, капли дождя и Лену. Она с облегченным стоном плюхнулась на соседнее сиденье, отряхивая мокрый капюшон куртки.

Вообще-то, по правилам агрегатора возить кого-то на переднем сиденье во время работы строго запрещалось. За это могли навсегда заблокировать аккаунт. Но ночная Москва — слишком жуткое и непредсказуемое место для одинокой девушки за рулем. Пьяные компании, неадекваты, агрессивные «хозяева жизни»... Поэтому на ночные смены мы с Леной всегда выходили только вдвоем. Ради безопасности. Одна крутит баранку, вторая работает штурманом, громоотводом, а если придется — то и телохранителем.

В руках Лена торжественно держала два картонных стаканчика, от которых шел пар.

— Прощу, — она протянула мне стаканчик и бросила взгляд на экран моего телефона. Ее лицо сразу посерьезнело. — Опять смотришь на эту удавку?

— Я не смотрю, я медитирую. Пытаюсь силой мысли размножить те крохи, что у нас есть, до размера взноса, — я взяла кофе, обжигая ладони. — Лен, я не успеваю. Нам нужно чудо. Или клиент, который решит поехать во Владивосток на такси по тарифу «Комфорт».

Лена отпила свой кофе, поморщилась и потянулась к рабочему планшету, на котором светилось приложение для водителей.

— Чудеса — это не по нашей части, подруга. По нашей части — пахать как проклятые. Включай статус «На линии». Сегодня пятница, ночь, ливень. Люди хотят пить, гулять и ехать домой в тепле. Мы будем брать всё: спальные районы, пьяные компании, доставку цветов, да хоть черта лысого, если он платит по двойному тарифу.

Она нажала кнопку на экране. Зеленый кружок загорелся, подтверждая, что желтый «Лифан» готов к работе.

— Готова? — Лена подмигнула мне, пытаясь скрыть за бравадой такую же усталость, что читалась в моих глазах.

Я сделала глубокий вдох, прогоняя страх перед завтрашним днем. Сжала руль, чувствуя под пальцами жесткую оплетку.

— Погнали. Пристегнись

Не прошло и десяти секунд, как планшет разразился пронзительным писком. Высветился заказ. Слишком далеко, чтобы брать по обычным правилам, но с пометкой, от которой у меня перехватило дыхание.

«Тариф: Экстренный. Коэффициент: x3. Комментарий: Нужна машина прямо сейчас, без лишних вопросов. Плачу наличными сверху».

Мы с Леной переглянулись. Такие заказы брали либо отчаянные, либо сумасшедшие. Там, на другой стороне приложения, мог быть кто угодно.

Я нажала кнопку «Принять заказ» и включила поворотник. Мой личный счетчик выживания снова начал тикать.

Навигатор уверенно уводил нас всё дальше от цивилизации, прокладывая маршрут в темные, заставленные фурами лабиринты промзоны Бирюлево. Дождь и не думал утихать. Фонари здесь встречались через один, а асфальт напоминал лунный пейзаж, так что мне приходилось активно крутить руль, чтобы не оставить подвеску «Лифана» в очередной луже.

— Три километра вглубь промки. Отличное место, чтобы избавиться от двух симпатичных таксисток, — прокомментировала Лена, напряженно вглядываясь в темноту за лобовым стеклом. Рука ее при этом совершенно буднично скользнула в карман дверцы, где у нас лежал тяжелый металлический фонарик и перцовый баллончик. — Если что, по газам и сносим всё на своем пути.

— Сначала я возьму с него деньги, а потом уже будем сносить, — мрачно отозвалась я, сворачивая за угол длинного кирпичного забора.

Точка на карте замигала, сообщая о прибытии. Я сбросила скорость.

Под единственным работающим желтым фонарем, покачиваясь, стоял клиент. Это был мужчина комплекции «шкаф трехстворчатый, дубовый», одетый в насквозь промокшую кожа-

ную куртку. В одной руке он держал надкушенный беляш, а другой сжимал толстый кожаный поводок.

На другом конце поводка сидело оно.

Я резко ударила по тормозам. «Лифан» клюнул носом и замер в пяти метрах от клиента.

— Лен... — сглотнула я. — Скажи мне, что это просто очень толстый лабрадор. Пожалуйста.

Лена прищурилась, стирая рукавом испарину с бокового стекла. — Это ротвейлер, Рит. Причем, судя по габаритам, он питается исключительно курьерами и водителями эконом-класса. И, заметь, никакого намордника.

Пес действительно был размером с хорошего теленка. Черный, лоснящийся от дождя, с квадратной башкой шириной в мой руль. Он сидел в луже и меланхолично наблюдал за нашей машиной.

Мужик, увидев желтые шашечки, радостно взмахнул беляшом и сделал нетвердый шаг навстречу.

— Я отменяю заказ, — я потянулась к планшету. — К черту. Нас сожрут прямо на МКАДе. Я не повезу эту собаку Баскервилей!

Лена перехватила мою руку. В ее глазах блеснул холодный, расчетливый огонек.

— Рита. Коэффициент икс три. Плюс наличка сверху. Вспомни красную надпись в предложении банка.

— Банку не нужны мои пожеванные останки!

— Я договорюсь, — безапелляционно заявила Лена и чуть приоткрыла окно. В салон ворвался шум дождя.

Мужик подошел к окну и тяжело оперся на крышу «Лифана». От него мощно разило коньяком, луком и мокрой псиной. Ротвейлер подошел следом и шумно втянул носом воздух у самой дверцы, отчего машину слегка качнуло. Я вжалась в сиденье.

— Шеф... ой, то есть девчата! — пробасил клиент, с трудом фокусируя взгляд на Лене. — Выручайте! Три машины уже отказались. А нам с Графом домой надо. Жена убьет, если мы через час не будем.

— У вас собака без намордника, мужчина, — ледяным тоном произнесла Лена, включив режим строгой училки. — Мы не возим крупных животных. Это нарушение техники безопасности.

— Девчата, миленькие! — мужик свободной рукой полез во внутренний карман куртки и выудил оттуда скомканную пятитысячную купюру. Он просунул ее в щель окна. — Вот! Пятерка сверху счетчика. И Граф — он добрый, клянусь! Он мухи не обидит! Он вообще... интеллигент!

Как бы подтверждая слова хозяина, Граф громко рыгнул, а затем с силой отряхнулся. Веер грязных брызг из лужи полетел прямо на желтую дверь моей машины.

Я застонала и уронила лоб на руль. Пять тысяч. И еще около четырех по счетчику. Это покрывало почти пятую часть моего кредита за одну поездку.

Лена выдернула купюру из его пальцев. — Оплата поездки тоже вперед.

Мужик радостно закивал, досыпал еще несколько смятых бумажек и потянул ручку задней двери.

— Залезай, Графюня. Аккуратненько

Слово «аккуратненько» явно не входило в лексикон Графа. Ротвейлер запрыгнул на заднее сиденье так, словно брал барьер, клацнул когтями по пластику и тут же начал крутиться на месте, устраиваясь поудобнее. В салоне моментально запахло мокрой шерстью, псиной и грязью.

Мужик втиснулся следом, захлопнул дверь, и окна мгновенно начали запотевать от их дыхания.

— Ну, с Богом! — радостно возвестил клиент, откусывая беляш. — В Чертаново, командирша!

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Прямо за моим подголовником маячила гигантская черная морда. Граф открыл пасть, вывалил язык и тяжело задышал мне прямо в затылок. Капнувшая с его языка слюна приземлилась мне на плечо.

— Поехали, — вздохнула Лена, помахивая зажатыми в руке деньгами. — Графюня хочет домой.

Я включила передачу. Ночь переставала быть томной.

Через десять минут поездки салон нашего «Лифана» превратился в передвижную газовую камеру. Окна запотели наглухо, а печка, работающая на полную мощность, только усиливала невероятный коктейль запахов: мокрая шерсть, лук, дешевый коньяк и мужской пот.

Я приоткрыла свое окно на пару сантиметров, жадно хватая ледяной, но чистый ночной воздух.

С заднего сиденья раздался утробный звук, плавно перешедший в раскатистый богатырский храп. Я бросила взгляд в зеркало. Хозяин Графа спал сном праведника, закинув голову назад и широко раскинув ноги. Недоеденный беляш выпал из его ослабшей руки и теперь сиротливо лежал на резиновом коврикe.

Поводок выскользнул из его пальцев.

— Лен, — прошептала я, чувствуя, как по спине ползет холодок. — Он поводок отпустил.

— Вижу, — так же тихо ответила Лена, медленно поворачивая голову.

Граф, поняв, что контроль снят, шумно вздохнул. Ему явно было тесно сзади. Секунду поколебавшись, ротвейлер тяжело поднялся на лапы, отчего «Лифан» ощутимо накренился.

— Эй, собачка, фу, сидеть, — забормотала Лена самым ласковым тоном, на который была способна. — Графюня, место.

Но у Графюни были свои планы. Огромная черная туша протиснулась между передними сиденьями. Я вжалась в дверцу, ожидая, что сейчас сомкнутся челюсти, но пес просто положил свою гигантскую, тяжелую как гиря голову прямо на центральную консоль, накрыв собой ручник и коробку передач.

Он посмотрел на меня грустными карими глазами, громко шмыгнул носом и с шумом выдохнул. С его брылей на пластик капнула тягучая слюна.

— Убери его, — одними губами произнесла я, боясь пошевелить правой рукой.

— Как?! — так же беззвучно возмутилась Лена. — Скажу «брысь»? Рита, у него голова размером с мою микроволновку! Просто не делай резких движений. Едем прямо.

— Мне нужно переключить передачу! У нас впереди крутой подъем!

— Переключай нежно! Погладь его!

Я слотнула, протянула дрожащую руку и попыталась аккуратно протиснуть пальцы под массивной челюстью ротвейлера, чтобы добраться до рычага. Граф в ответ одобрительно заурчал, как трактор «Беларусь», и привалился мордой к моему плечу.

И именно в этот момент, когда я ехала со скоростью сорок километров в час, балансируя огромной собакой на коробке передач, из темноты обочины вынырнула полосатая палочка.

Светящийся жезл требовательно указал на наш капот, а затем — на обочину. Красно-синие проблесковые маячки патрульной машины ударили по глазам сквозь пелену дождя.

— Твою мать, — выдохнула Лена. — ДПС. Только этого не хватало. Если они увидят пьяного и собаку без намордника — нам впаяют штраф, а аккаунт заблокируют.

— Я не могу остановиться, у меня коробка передач под собакой! — в панике зашипела я, но всё же ударила по тормозам.

«Лифан» плавно зарулил в лужу у обочины. Граф, недовольный качкой, поднял голову, но уходить назад не собирался. Наоборот, он с любопытством уставился в лобовое стекло на приближающегося человека в форме.

К моему окну подошел инспектор в мокром дождевике.

Я опустила стекло.

— Здравия желаю, старший лейтенант Смирнов, — монотонно пробубнил инспектор, козырнув. — Документики. Почему нарушаем скоростной...

Он осекся. Инспектор включил мощный фонарик и направил луч в салон. Сначала свет мазнул по мне — бледной, вцепившейся в руль девушке. Затем выхватил Лену, которая натянула самую обворожительную, но слегка нервную улыбку. Затем луч скользнул назад, осветив храпящего в позе морской звезды гиганта.

И, наконец, луч света уперся прямо в черную блестящую морду Графа, чья голова покоилась на подлокотнике.

Инспектор замер. Граф зажмурился от яркого света, зевнул во всю свою ужасающую пасть, продемонстрировав клыки размером с палец, и вдруг... лизнул стекло фонарика своим огромным шершавым языком.

Повисла мертвая тишина. Был слышен только шум дождя и храп с заднего сиденья.

— Это... медведь? — севшим голосом спросил старший лейтенант, делая медленный шаг назад от машины. Рука его рефлекторно потянулась к кобуре.

— Это пассажир, товарищ лейтенант, — елеинным голоском пропела Лена. — А тот, что сзади — его хозяин. Везем с выставки. Очень редкая порода... Карликовый бирюлевский водолаз.

Инспектор перевел ошарашенный взгляд с Лены на собаку, потом на спящего мужика, который в этот момент громко всхрапнул и что-то неразборчиво промычал во сне.

В голове гаишника явно происходил сложный вычислительный процесс. Он понимал, что, если сейчас начнет оформлять протокол, ему придется будить эту пьяную гору мышц. А потом как-то объяснять этой собаке Баскервилей, почему ее хозяина просят выйти из машины. Под проливным дождем. В три часа ночи.

Смирнов медленно выключил обслонявленный фонарик и вытер его о свой дождевик.

— Документы в порядке? — тихо спросил он, не сводя глаз с Графа.

— В полном, — закивала я, готовясь потянуться за правами (что означало снова лезть под шею ротвейлеру).

— Не надо, верю, — инспектор поспешно поднял руку, останавливая меня. — Девушки... езжайте. И окно закройте. А то он кому-нибудь голову откусит на светофоре. Счастливого пути.

Он развернулся и почти бегом направился к своей патрульной машине.

Я с шумом выдохнула, чувствуя, как дрожат колени, подняла стекло и перевела взгляд на Лену. Пару секунд мы смотрели друг на друга в полном молчании.

А затем Лена прыснула. Через секунду я уже хохотала так, что по щекам текли слезы, утыкаясь лбом в руль. Граф, решив, что это какая-то веселая игра, радостно гавкнул — так громко, что у меня заложило уши, — и смачно лизнул меня прямо в ухо.

— Всё, поехали, — сквозь слезы выдавила Лена, вытирая глаза. — Карликовый водолаз, боже мой... Рита, мы заработали эти пять тысяч. Трогай!

К шести утра дождь наконец-то прекратился. Москва просыпалась, лениво сбрасывая ночной неон и окрашиваясь в холодные, серо-розовые тона рассвета.

Мы припарковались у заправки на МКАДе. Желтый «Лифан» тихо щелкал остывающим металлом выхлопной трубы, покрытой ровным слоем грязи после ночных поездок. Мы с Леной стояли, привалившись спинами к боковым дверям машины, и смотрели, как над эстакадой медленно поднимается солнце.

В руках у нас были большие картонные стаканы с самым обычным американо из автомата. После пяти смен подряд он казался нектаром богов.

Я достала телефон и открыла приложение банка. Нажала кнопку «Внести платеж». Кружок загрузки покрутился пару секунд, и на экране появилась зеленая галочка: «Платеж успешно зачислен. Просроченной задолженности нет».

Я шумно выдохнула, чувствуя, как бетонная плита, давившая на грудь последний месяц, наконец-то треснула.

— Списали? — тихо спросила Лена, делая глоток кофе и ежась от утреннего холода.

— Списали, — я закрыла глаза и прислонилась затылком к прохладному металлу дверцы. — Мы собрали эту сумму. Лен... мы это сделали. Графюня нас спас.

Лена хмыкнула, достала из кармана сигарету и чиркнула зажигалкой. — Никогда не думала, что буду благодарна слюнявому ротвейлеру и пьяному мужику с беляшом.

Я криво усмехнулась, глядя на проносящиеся мимо редкие утренние фуры.

— Знаешь, я иногда просыпаюсь и думаю: как я вообще докатилась до жизни такой? Сама себе надела эту удавку. Каким нужно было быть наивным оленем, чтобы взять деньги клиента из кассы предприятия, просто чтобы выручить коллегу? «Риточка, спасай, через три дня всё верну до копейки...». Идиотка.

Лена выпустила струю дыма и покачала головой:

— Завязывай себя жрать. У тебя просто есть совесть и эмпатия, а этим часто пользуются.

— За эмпатию слишком дорого берут, — глухо ответила я. — В итоге пришлось брать этот безумный кредит под конские проценты, чтобы втихую закрыть ту недостачу, пока меня с позором не уволили и не сдали в полицию.

— Рит, послушай меня, — Лена повернула голову и посмотрела на меня в упор своим фирменным, не терпящим возражений взглядом. — Да, ты оступилась. Но ты взяла за это ответственность. Ты не сбежала, не спряталась. Ты пашешь как проклятая. Сколько там осталось платить?

— Почти два года, если такими темпами.

— Значит, будем пахать два, — отрезала Лена, отбрасывая окурок в урну. — Но знаешь, что я тебе скажу? Это такси, эта грязь, этот недосып — это временно. Я же вижу, как ты работаешь с клиентами, как ты их насквозь читаешь. Когда мы закроем этот чертов долг, ты откроешь свое дело. Будешь сама себе хозяйкой и больше ни от кого не будешь зависеть. И я тоже.

Я слабо улыбнулась, чувствуя, как от ее слов внутри загорается крошечный, но упрямый огонек надежды. В то утро мысль о собственном бизнесе казалась такой же фантастикой, как полет на Марс. Но Лена в меня верила. А это было дороже любых денег.

Она допила кофе, скомкала стаканчик и бросила его в урну. Щелкнула брелоком сигнализации, открывая центральный замок.

— Поехали домой, Рит. Я хочу смыть с себя запах псины и спать ближайšie часов десять. А завтра вечером — снова на линию.

Я кивнула, отлепляясь от кузова машины. Да, я была по уши в долгах из-за моей собственной глупости. Да, от нашей машины несло луком. Но в тот момент я поняла одну важную вещь: пока мы есть друг у друга, мы вывезем всё.

Глава 2. Прямо до рассвета

К пяти утра субботы Москва обычно вымирает. Это то самое пограничное время, когда пятничные тусовщики уже расползлись по домам, а первые субботние «жаворонки» еще не вышли на пробежку. Город зависает в серой, зыбкой дымке, и кажется, что на дорогах остались только поливальные машины и мы с Леной.

Глаза нещадно резало от недосыпа. После марафона с пьяными студентами, ссорящимися парочками и одним очень нервным диджеем, который забыл флешку в клубе, мой желтый «Лифан» казался мне спасательной шлюпкой, дрейфующей в океане асфальта.

— Всё, Рит, глуши мотор, — Лена зевнула так сладко, что у меня свело челюсть. Она откинула голову на подголовник и потерла виски. — Я сейчас усну прямо с открытыми глазами. Выключай статус. Едем за шаурмой на угол и спать.

Я потянулась к планшету, чтобы нажать заветную кнопку «Офлайн», как вдруг система издала короткий, требовательный писк.

Лена открыла один глаз. — Даже не вздумай.

— Заказ из Хамовников, — я вчиталась в экран. — Элитный ЖК. Коэффициент обычный, но... до них ехать триста метров. Мы стоим прямо за углом.

— И что? Это наверняка какой-нибудь перепитый мажор, которому нужно за сигаретами на соседнюю улицу, а потом он будет качать права, что мы не подали ему «Майбах». Рита, мы едем спать.

Я уже почти согласилась с ней, но палец сам нажал «Принять». Наверное, это была банальная жадность или выработанный инстинкт таксиста — не упустить заказ, если он сам падает в руки.

— Ненавижу твою трудовую этику, — пробурчала Лена, демонстративно отворачиваясь к окну. — Если он начнет блевать, отмывать салон будешь сама.

Я плавно вывернула руль, и через минуту мы затормозили у тяжелых кованых ворот комплекса, за которыми скрывались кирпичные особняки, стриженные газоны и чужая, недостижимая жизнь.

Дверь подъезда медленно открылась.

Мы с Леной синхронно выпрямились. Ожидания не совпали с реальностью настолько, что в салоне повисла звенящая тишина.

К машине шла женщина. Высокая, стройная, невероятно породистая. На ней было накинуто роскошное кашемировое пальто цвета кэмел, которое даже в тусклом свете уличных фонарей кричало о своей заоблачной стоимости. Ее волосы были небрежно собраны, на лице — ни грамма косметики.

Но поразило нас не это.

Женщина шла по холодному, влажному асфальту в белых махровых отельных тапочках. На босу ногу.

Она потянула ручку задней двери и бесшумно скользнула в салон. От нее пахло дорогим селективным парфюмом — чем-то древесным, с нотками инжира, — и острым, пронизывающим холодом.

— Доброе утро, — тихо сказала я, бросив взгляд в зеркало заднего вида.

Женщина сидела неестественно прямо. Ее руки были спрятаны в карманы пальто, а глаза смотрели сквозь лобовое стекло, словно она видела там что-то, недоступное нам.

— Здравствуйте, — ее голос был низким, чуть хриплым, абсолютно лишенным эмоций. Лишь легкая дрожь выдавала, что ее бьет озноб.

— Вы пункт назначения не указали, — осторожно подала голос Лена, моментально включив режим сканера. Она безошибочно считала нестандартность ситуации и уже подобралась, готовая к любому повороту.

Женщина медленно перевела взгляд на Лену, потом на меня.

— Девочки... — она сглотнула. — Пожалуйста. Просто поезжайте прямо.

— Прямо — это куда? — уточнила Лена. — В сторону области? В центр?

— Куда угодно. Только не стойте здесь. Я вас очень прошу.

Она вытащила из кармана руку, в которой была зажата пачка пятитысячных купюр. Не считая, она отделила несколько бумажек и протянула их вперед, между сиденьями.

— Я заплачу за время. Катайте меня, пока не рассветет. Пожалуйста.

Мы с Леной переглянулись. В моей напарнице боролись два чувства: врожденная подозрительность и инстинкт «бери деньги, пока дают». Но в глазах пассажирки, отражавшихся в зеркале, было столько густого, звенящего отчаяния, что я не стала ждать решения Лены.

Я перевела селектор коробки передач в режим «Drive», и желтый «Лифан» мягко отчалил от тротуара.

Мы ехали по пустой Фрунзенской набережной. Справа темнела холодная река, слева проносились сонные фасады сталинских домов. В машине стояла тишина, нарушаемая только шуршанием шин и тихим гудением печки. Я специально прибавила температуру, заметив, как женщина кутается в пальто.

Ей было за сорок. Ухоженная кожа, идеальный маникюр, тонкие черты лица. Но сейчас эта идеальность казалась треснувшей маской.

Она не плакала. Хуже того — она смотрела в окно сухими, мертвыми глазами. Я по опыту знала: когда человек рыдает в такси — это истерика, выброс эмоций. Завтра ему станет легче. А вот когда человек молчит таким парализующим молчанием, значит, его мир только что рухнул, и он пока не знает, как дышать под обломками.

Прошло минут сорок. Мы намотали два круга по Садовому, выехали на Ленинский и теперь бесцельно катили в сторону МКАДа. Лена, поняв, что опасности нет, расслабилась и тихо листала ленту в телефоне.

Вдруг на заднем сиденье раздался звук. Короткий, сухой смешок.

Я бросила взгляд в зеркало. Женщина смотрела на свои белые тапочки.

— Знаете, что самое смешное? — спросила она в пустоту. Голос больше не дрожал, в нем появилась горькая ирония. — Я ведь всегда презирала женщин из сериалов. Тех, которые убегают в ночь, забыв переодеться. Думала: ну какая глупость, неужели нельзя было хотя бы кроссовки надеть?

Она снова коротко рассмеялась и закрыла лицо руками.

Лена убрала телефон и чуть повернулась назад. В таких ситуациях моя напарница умела быть удивительно тактичной.

— Иногда кроссовки просто слишком далеко стоят, — мягко сказала Лена.

Женщина опустила руки. В свете промелькнувшего фонаря я увидела, как блеснули ее глаза.

— Пятнадцать лет, — прошептала она. — Пятнадцать лет я строила этот дом. Подбирала шторы, планировала отпуска. Учила его правильно завязывать галстук. Ждала из командировок. Мы ведь... мы ведь были образцовой парой. Друзья завидовали.

Она замолчала, собираясь с мыслями. Я сбавила скорость, стараясь вести машину как можно плавнее, чтобы не спугнуть ее исповедь.

— Сегодня ночью он прилетел из Мюнхена, — продолжила пассажирка. — Спал. А у него в пиджаке телефон зазвонил. Я бы никогда не полезла, честно. Но звонили настойчиво, я испугалась, вдруг по работе, экстренное что-то. Достала. А там...

Она запнулась. — Там фотография. Мальчик. Лет пяти. В смешной панамке. И подпись: «Папочка, мы скучаем, когда ты вернешься из командировки?».

Я невольно сжала руль так, что побелели костяшки пальцев. Лена шумно выдохнула сквозь зубы.

— Пять лет, — эхом повторила женщина. — У него там, оказывается, квартира на Соколе. И сын. А я... я просто лежала рядом с чужим человеком, который пахнет моим любимым парфюмом. Я даже скандал не смогла закатить. У меня просто отключилось тело. Накинула пальто в прихожей и вышла. Только в лифте поняла, что я в тапочках.

Она замолчала. Тишина в салоне стала плотной, осязаемой. Что можно сказать в такой момент? «Сочувствую»? Звучит жалко. «Все мужики козлы»? Слишком банально для трагедии длиной в пятнадцать лет.

— Тормозни-ка, Рит, — вдруг скомандовала Лена.

Я послушно прижалась к обочине у какого-то круглосуточного минимаркета. Лена выскочила под морозящий дождь. Ее не было минуты три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.